

Я очень польщен предоставленной мне возможностью участвовать в этой конференции. Я не принадлежу к науч-

¹ Президент Национального союза обществ дружбы «Франция–Россия–СНГ», президент ассоциации Eurcasia («Европа–Россия–Кавказ–Азия»).

Марк Дрюэн¹

НАШЕ ПРИЗВАНИЕ — КРЕПИТЬ ДРУЖБУ

ному сообществу, и все же мое присутствие здесь не случайно. Я хотел бы приветствовать и подвергнуть испытанию ваше решение привлечь к участию в конференции на тему «Диалог культур», чтобы поделиться своим гражданским опытом представителя дряхлеющей демократии.

Как руководитель общественной организации, я являюсь активным участником «объединения граждан», призвание которого — крепить дружбу, способствовать обмену между нашими странами, Россией и Францией, между их народами и, следовательно, культурами.

Начнем с языка: проблематика языка как средства общения и мышления является весьма существенной в структурной диалектике собственного самосознания (идентичности) и отношения к Другому. Примите, пожалуйста, во внимание мое намеренное решение говорить по-французски, чтобы я, надеюсь, мог донести как можно лучше смысл сказанного и утвердить этот язык в многообразном хоре языков, составляющих человеческую культуру. Так я, может быть, отвечу на сигнал тревоги, поданный ЮНЕСКО и предрекающий, что «с исчезновением языков исчезнут и целые этносы».

Необходимым условием практической деятельности нашей ассоциации является осуществление широкого и взаимообогащающего обмена и обучения двум нашим языкам — русскому и французскому соответственно. Мы стараемся препятствовать англосаксонской гегемонии и поэтому, например, во время организуемого по нашей инициативе научного франко-русского коллоквиума «Европейские диалоги в Эвиане» по вопросам глобального потепления избираем в качестве рабочих языков французский и русский. В этом смысле нам кажется уместной мысль французского филолога Клода Ажежа, что «английский является универсальным языком только потому, что это язык господствующей державы и, следовательно, побеждающего либерализма». Все это означало бы, что нам предписывается осмысливать эту гегемонистскую ситуацию не в эссенциалистских терминах, относящихся к псевдодобродетелям, присущим английскому языку, но в терминах исторической конъюнктуры, подчиняющейся свободной воле людей. Также, будучи соучредителями (партнерами) премии «Руссофония», присуждаемой за лучший перевод с русского на французский, мы хотели бы выдвинуть два предположения:

— русский язык, которым владеет множество людей как внутри России, так и за ее пределами, является объединяющим средством передачи и распространения культуры и в этом качестве участником всемирного диалога, в котором у него свое место и активная роль;

— перевод является не просто факультативным праздным занятием или же специальным средством, но и необходимым и основополагающим актом цивилизации. Возможно, в нем заключается и выражается особый дар мужчин и женщин черпать из источника Другого (вспомним фразу А. Рембо «Я есть некто другой»).

Мне хочется поделиться с вами забавным замечанием Эриха Эйнгорна по поводу перевода Полем Целаном стихотворений А. Блока и С. Есенина, который, возможно, «мог бы превзойти оригинал», поскольку на так называемом иностранном языке смысл стихотворений был бы передан лучше.

В этом месте доклада мне кажется необходимым обратиться за помощью к философу Жаку Деррида. Действительно, стремление насаждать и превозносить, как мы это делаем, наш «собственный» язык, похоже, подвергает нас отнюдь не воображаемой опасности национализма или лингвистического патриотизма, который стремится не слушать и разделять мнение, а скорее господствовать и дискриминировать. Согласно утверждению Деррида, рычагом желаемой политики могло бы стать стремление слушать и разделять чужое мнение «именно потому, что язык не является принадлежностью чего-то и не может стать вещью национального или этнического сообщества, на него набрасываются все виды национализма и вокруг него создается захватнический ажиотаж. Потому что

с того момента, как я начинаю уважать и культивировать единичность (сингулярность) языка, я его культивирую как свое и чужое, то есть язык другого следует уважать, и, следовательно, я должен сопротивляться националистическому искушению перейти свои границы, ведь такое искушение всегда было империалистическим». Это предостережение, но и, несомненно, призыв управлять противоречиями, присущими человеческой ограниченности, такими как нам их преподают, осторожность и убеждение, вытекающие из опыта обдуманной и исправленной практики.

Существуют, конечно же, основополагающие всеобщие требования прав человека на жизнь и достоинство. Безусловно, нельзя нарушать заповедь «не убий», равно как и кантовскую максиму «всегда считать человека высшей целью, а не средством». Но может ли завершённый, прескриптивный и нормативный свод законов оставаться исключительно уравновешенным, само собой разумеющимся и вечным, всегда вдохновляясь одним и тем же? Или же в будущем всеобщее (универсальное) принесет себя в жертву обновленному и согласованному действию объединившихся народов, занятых осмыслением такого человеческого движения, где никто не будет пользоваться даже временной привилегией провозгласить парадигму человечества.

К этому убеждению (которое, однако, может в любой момент подвергнуться пересмотру) я пришел, в частности, путешествуя по вашей огромной стране с севера на юг и с запада на восток, после долгого пребывания в африканских джунглях, и мое пребывание в Индии его только укрепило, даже если, как я уже говорил, оно предвзвешенное. Это может показаться патетичным, но задумайтесь над вопросом Валентина Распутина о постоянстве утраченной или находящейся под угрозой «русскости», заданным на берегу Байкала неподалеку от Китая и Монголии, где ощущается влияние нравов, обычаев и божеств Бурятии.

Повторяю, мои выводы только предварительные. Вернусь к тому, о чем я говорил в начале доклада, что могло вам показаться всего лишь моим представлением при первом знакомстве. Я сказал: «Наше призвание — крепить дружбу», и в этом заключены принципы и философия культурного обмена. Во-первых, здесь необходима доброжелательность, не отменяющая проницательности, и они в усилии совместного познания при взаимном уважении сумеют разрушить предрассудки и предубеждение. Это уважение, к которому призывает Деррида и которое в кантовской традиции является любовью, то есть актом гостеприимства, готовности принять Другого в его сходстве и отличии.

Иначе говоря, мы, по крайней мере, узнали, что нет той безоговорочной модели, которой мы могли бы уверенно похвалиться, и что нам не подобает возводить себя в ранг преподающих уроки. Мы поняли, что нам необходимо работать (и в этом наша задача и вызов) над равноправным и братским согласием (Режи Дебре уточнял, что братство принадлежит не к сфере данного, а к сфере изменений). В решении этой последней задачи, каждый на своем месте и в своей роли, призван принять участие.

В качестве примеров можно будет обсудить следующие факты из моего опыта:

— миссия наблюдателей на выборах в марте 2008 года;

— основание фонда «Русский мир» в ноябре 2007 года;

— связи с Иркутском.

В прошлом году я был членом миссии наблюдателей на президентских выборах в России, мы должны были

сделать или не сделать заключение о правильном управлении и соответствии принципам демократии. Конечно, я не был введен в заблуждение. Позвольте мне высказать по этому поводу некоторые соображения:

— наблюдать можно только то, что наблюдаемо, и показанное не всегда читается без кода прочтения;

— быть наблюдателем — значит приговорить себя к взгляду на событие со стороны.

В этом случае возникает желание провести сравнение со своим опытом, который воспринимается как норма и даже модель, а реальность, такая как она есть, становится отклонением от нормы, уходом с правильного пути или несовершенством.

Я всегда утверждал, что момент выборов, необходимый и показательный, все же должен рассматриваться в рамках всего демократического процесса, то есть должен давать каждому свободу волеизъявления и выбора, чтобы таким образом укрепить суверенитет народа. Пусть сами граждане России удостоверятся соответств-

ующим образом, исполняется ли мандат, доверенный их представителю, соответственно пожеланиям и служит ли это всеобщему благу. Эта апелляция к гражданской ответственности говорит не о равнодушии, а лишь об уважении и доверии, но при этом она напоминает, не предписывая, что суверенитет бесспорно подчиняется критериям общих для всех (универсальных) требований. Наконец, во избежание ошибки или путаницы: когда я говорю «благожелательность», я не подразумеваю снисхождение: акты расистского насилия или физического устрашения, применяемые к некоторым борцам за социальные права, неприемлемы и вызывают протест — во имя все того же уважения.

Заключительное уточнение, чтобы ответить тем, кто в нашей позиции увидит лишь предвзятость и компромисс с существующим порядком вещей. Политика и культура находятся во взаимопределяющих отношениях, и это проверяется, не получая формального выражения, в ходе нашего сотрудничества.